

— Она разозлилась, — садясь за стол с палочками для еды в руках, с уверенностью в голосе сказал Цзян Сэнь Шэнь Цимину, который обрабатывал документы на диване. — Абсолютно точно.

— Яотяо? Нет, — ответил Шэнь Цимин, не обращая внимания на своего партнёра и давнего друга и сосредоточенно вчитываясь в сплошной текст на планшете.

Нин Мэн вышла из кухни с кофе. Услышав это, она быстро взглянула на Шэнь Цимина. В комнате была включена система климат-контроля, поэтому Шэнь Цимин снял свой идеально сидящий пиджак. Галстук тоже уже был снят, на нём осталась только серо-серебристая рубашка, расстёгнутая на несколько пуговиц. Он закатал рукава и держал в руках планшет, его пальцы были длинными и тонкими. Его обычно аккуратно уложенные волосы сегодня спадали на лоб свободными прядями, а красивые глаза и брови были скрыты в тени от лампы.

Шэнь Цимин пребывал в расслабленном состоянии, которое редко можно было увидеть за пределами его дома.

Нин Мэн сначала опешила, после чего пришла в себя и осторожно поставила чашку с блюдцем на журнальный столик:

— Президент Шэнь, ваш кофе только что сварился.

Шэнь Цимин взял чашку, сделал глоток и отставил её в сторону.

Нин Мэн стояла рядом, в её глазах таилась надежда. Она недавно записалась на курсы по приготовлению кофе и последние три месяца выкраивала время из своей напряжённой работы, чтобы посещать их. И всё ради этого момента!

— Как вам? — спросила она.

Шэнь Цимин, не поднимая взгляда, ответил обычным тоном:

— Этот финансовый отчёт от «Шуфэн» недостаточно подробный. Завтра ты должна связаться с ассистентом господина Вана, чтобы они подготовили отчётность за июнь прошлого года.

«Я не спрашивала, как отчётность...»

В комнате на несколько секунд повисла тишина, прежде чем Нин Мэн ответила:

— Хорошо.

Цзян Сэнь не выдержал и постучал по тарелке:

— Что значит «нет»? Братан, откуда у тебя такая уверенность?

— Яотяо не из тех, кто закатывает истерики.

— Тогда я расскажу тебе об одном исследовании авторитетного института.

Шэнь Цимин отложил планшет и посмотрел на него.

— В этом мире нет женщин, которые не закатывают истерики.

Шэнь Цимин молчал некоторое время, затем потёр виски:

— Ты её не знаешь.

— Тогда объясни, почему она сегодня не приготовила тебе ужин?

Шэнь Цимин ничего не ответил, и Цзян Сэнь воспользовался моментом:

— Тем более что ты действительно поступил глупо. Сейчас многие думают, что твоя девушка — Нин Мэн. И только несколько человек знает, что Яотяо — твоя невеста. И ты никак не опровергаешь эти слухи.

Шэнь Цимин нахмурился:

— Зачем я должен рассказывать людям о своей личной жизни?

Цзян Сэнь развёл руками:

— Послушай, неудивительно, что она разозлилась.

Шэнь Цимин не мог понять логику Цзян Сэня. Нин Мэн была немного обрадована, услышав, что её считают девушкой Шэнь Цимина. Она посмотрела на Цзян Сэня, который ел, а затем на Шэнь Цимина, который снова взялся за планшет, и тихо спросила:

— Госпожа Цзинь рассердилась из-за того, что я сопровождала господина Шэня на мероприятие, и неправильно поняла наши отношения? Может быть, мне стоит извиниться перед госпожой Цзинь?

Шэнь Цимин холодно ответил:

— Не нужно.

Нин Мэн сдержала желание рассмеяться и поправила волосы, спадающие на плечи:

— Мне всё равно. Извиниться — пустяковое дело. В любом случае, главное, чтобы госпожа Цзинь успокоилась. Не хотелось бы, чтобы из-за недоразумения пострадали ваши с ней...

— Не нужно, — прервал её Шэнь Цимин. — Она не поймет неправильно. Ты всего лишь моя помощница, и она знает об этом.

В тот момент Нин Мэн почувствовала, будто кто-то схватил её за горло. Невысказанные слова душили её, лишая возможности дышать. Она смотрела на Шэнь Цимина, который произнёс эти слова без тени сомнения, и после долгой паузы, поблуднев, наклонилась, чтобы убрать чашку с блюдцем:

— Тогда... всё хорошо. Господин Шэнь, кофе остыл. Я принесу вам свежий.

— О, — Цзян Сэнь проводил её взглядом, пока та застывшей походкой уходила на кухню, и, ухмыляясь, снова перевёл взгляд на Шэнь Цимина. — Каменное сердце, а?

Шэнь Цимин, как обычно, не обратил на него внимания. Цзян Сэнь наблюдал за его реакцией и, цокая языком, пробормотал:

— Я ошибался. Дело не в том, что у тебя каменное сердце, а в том, что у тебя вовсе нет сердца.

— Что? — спросил Шэнь Цимин.

Кулинарные навыки тётушки Ван были посредственными, как у любой другой домработницы. Поэтому у Цзян Сэня, пришедшего сюда, чтобы вкусно пообедать, пропал аппетит после нескольких съеденных рёбрышек. Он отложил палочки и направился в гостиную, где схватил планшет Шэнь Цимина:

— Неважно, что ты не понимаешь. Но я думаю, тебе стоит позвонить своей невесте и успокоить её. Я хочу, чтобы она сегодня приготовила ужин.

— Верни, — Шэнь Цимин протянул руку и повторил услышанное им слово. — Успокоить?

— Ты никогда не успокаивал женщин? — Цзян Сэнь сначала был ошеломлён, но потом увидел лицо Шэнь Цимина, которое открылось при поднятии им головы, и внезапно понял, что

заглянул в мир красавца, который был ему недоступен. Он мог только смириться с этим, отбросив вопрос, который, вероятно, только унизил бы его самого. — В общем, скажи ей что-нибудь ласковое, позаботься о ней. Если она будет на тебя злиться, смиришься и извинишься. Но...

Остановившись, он вспомнил, что в прошлом видел, как общаются Цзинь Яотяо и Шэнь Цимин, и отменил только что высказанный план:

— Но Яотяо... Я никогда раньше не видел, чтобы она злилась... Ну, тогда ещё лучше. Тебе, наверное, даже не нужно будет ничего говорить. Просто дай ей шанс, и она сама вернётся.

***

Родители Цзинь Яотяо жили в восточной части Линцзяна, недалеко от родителей Шэнь Цимина. Поэтому, когда они учились, их семьи были соседями на протяжении долгого времени. Затем семья Шэнь эмигрировала, а Цзинь Яотяо после помолвки переехала к Шэнь Цимину на гору Минчжу. В конце концов, её родители умерли один за другим, а Цзинь Яотяо, разведясь, уехала за границу.

Спустя много лет в её памяти этот дом в восточной части Линцзяна стал тенью, которую она боялась трогать.

Но сейчас эти страшные события казались ей всего лишь сном.

Охранник узнал её. Он пропустил машину и, как обычно, поприветствовал её. Цзинь Яотяо припарковала машину и надолго застыла у дверей дома, держа в руках ещё теплую кастрюлю, прежде чем нажать на кнопку звонка.

В следующую секунду дверь распахнулась, и с порога раздался голос тётушки Цэнь, которая с детства знала её:

— Господин Цзинь! Хозяйка! Яотяо приехала!

Яотяо только через секунду поняла, что «Цзинь» — это её отец, а не она сама, и рассмеялась от этой мысли.

В доме было шумно. Стоило ей войти, её встретила пухлая фигура в чёрном. И тут же из её рук исчезла тяжёлая кастрюля.

Тётушка Цэнь забрала кастрюлю и заговорила таким громким голосом, что у Яотяо зашумело в ушах:

— Зачем ты принесла такую тяжёлую кастрюлю? Ты ведь маленькая, как ты тащила её?

Мать Цзинь тут же подхватила слова тётушки Цэнь и стала отчитывать дочь:

— Как ты похудела! Ты опять сидишь на диете? И сегодня на улице холодно, а ты ходишь в юбке! Не обращай внимания на мои придирки, но когда доживёшь до моих лет, сама поймёшь и будешь жаловаться на боль в суставах!

Вдалеке открылась дверь кухни и появился отец Цзинь, с животом и исходящим от него запахом еды. На нём был фартук. Он вытирал руки и хмуро осматривал её:

— Посмотри на твои волосы, что это такое? Они выкрашены так, будто ты недоедаешь. Ты же скоро выйдешь замуж! Шэнь Цимин тоже, совсем не следит за тобой.

Слушая эти знакомые упрёки, Цзинь Яотяо на мгновение почувствовала такой острый приступ тоски, что едва не заплакала. Не обращая внимания на то, что её отчитывают, она обняла мать, прижавшись щекой к её теплой шее:

— Мама...

<http://tl.rulate.ru/book/105742/4562909>